

ГУЛАГ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

GULAG AND THE SOVIET STATE IN A SOCIAL AND LEGAL CONTEXT

I. Uporov

Summary. The article presents the author's opinions on the infamous GULAG — a system of correctional labor camps and colonies that operated from the early 1930s to the mid-1950s under the general management of the NKVD of the USSR. This social and legal phenomenon is analyzed at the conceptual level, including consideration of the features of legal regulation of the execution of punishment in the form of imprisonment in the period under review, scientific works that touch on this topic. It is noted that the publications are dominated by a critical attitude to the activities of the GULAG, bearing in mind the violation of the rights of prisoners. To a large extent this was the case. At the same time, positive components of the Soviet penitentiary policy of that time were also observed in legislative and departmental acts and, to a certain extent, in law enforcement practice. The fact that the majority of prisoners held in correctional labor camps and colonies were criminals convicted of common crimes (murder, rape, theft, etc.) is also not always taken into account. The conclusion is made that the GULAG had in mind the clearly overstated politicization of its activities still has contradictory assessments.

In the study, it is important to examine different points of view on this historical phenomenon and to examine objective evidence of a negative orientation from the point of view of legislation. In the context of the legal focus of the work, there is a component of historical analysis, and this is important because it is possible to compare information from various sources.

The purpose of the study is to identify the location of the GULAG in the social and legal context of the Soviet state. The object is the legal field of the Soviet Union, the historical phenomenon of the Gulag is the subject.

Keywords: Soviet state, GULAG, camps, colonies, prisoners, repressions, state, economy, subjective assessment, historical facts.

Аннотация. В статье представлены суждения автора о печально известном ГУЛАГе — системе исправительно-трудовых лагерей и колоний, функционировавшей с начала 1930-х гг. до середины 1950-х гг. под общим управлением НКВД СССР. Это социально-правовое явление анализируется на концептуальном уровне, в том числе рассматриваются особенности правового регулирования исполнения наказания в виде лишения свободы в рассматриваемый период, научные труды, в которых затрагивается данная тема. Отмечается, что в публикациях преобладает критическое отношение к деятельности ГУЛАГа, имея в виду нарушения прав заключенных. В немалой степени это имело место. Вместе с тем в законодательных и ведомственных актах и в определенной степени в правоприменительной практике наблюдались и позитивные составляющие советского пенитенциарной политики того времени. Не всегда учитывается также то обстоятельство, что большинство заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, представляли собой преступников, осужденных за общеуголовные деяния (убийство, изнасилования, кражу и т.д.). Делается вывод о том, ГУЛАГ ввиду явно завышенной политизации его деятельности по-прежнему имеет противоречивые оценки.

В исследовании важно изучить различные точки зрения на данный исторический феномен и исследовать объективные доказательства негативной направленности с точки зрения законодательства. В контексте правовой направленности работы присутствует компонент исторического анализа и это важно, т.к. есть возможность сопоставить сведения из различных источников.

В качестве цели исследования определено выявление места ГУЛАГа в общественно-правовом контексте советского государства. Объектом выступает правовое поле Советского Союза, предметом исторический феномен ГУЛАГа.

Ключевые слова: советское государство, ГУЛАГ, лагеря, колонии, заключенные, репрессии, государство, экономика, субъективная оценка, исторические факты.

Введение

С начала 1930-х гг. и далее до середины 1950-х гг. система исполнения наказания в виде лишения свободы в СССР де-факто регулировалась ведомственными актами НКВД СССР, в составе которого в качестве самостоятельного главка был печально известный ГУЛАГ, где также издавались многие нормативные документы по вопросам деятельности исправительно-трудовых колоний и исправительно-трудовых лагерей. При этом формально действовал Исправительно-трудо-

вой кодекс РСФСР 1933 г. [1] с относительно гуманными нормами, в частности, среди лишенных свободы должна была в обязательном порядке проводиться политико-воспитательная работа, которая представляла собой дальнейшее развитие культурно-просветительной работы. Однако в правоприменительной практике с молчаливого согласия властей этот акт в значительной степени отходил на задний план. Нужно также иметь в виду, что со второй половины 1920-х гг. в стране наметился курс на ужесточение в целом уголовной политики, в том числе существенно более строго предусматривались

наказания за «контрреволюционные» преступления, то есть, преступления против государства. В результате стала наблюдаться переполненность мест лишения свободы.

Именно поэтому мы сталкиваемся со множеством противоречивых точек зрения на данный историко-правовой феномен и одной из задач ставим формирование объективного мнения относительно ГУЛага, а также поиск доказательств однобокости освещения данного явления в различных источниках.

Материалы и методы исследования

В работе использован теоретический анализ публикаций, посвященных проблематике ГУЛага: В.М. Сырых [8], В.Н. Земсков [15], А. Арсланов [18]/

Также изучены работы, представляющие анализ феномена ГУЛага как компонента террора и результата авторитарного политического режима (Н.П. Аблажей, А.С. Жанбосинова [9], В.Т. Шаламов [19]).

Подобное разнообразие источников позволяет нам сопоставить множество точек зрения на ГУЛаг как инструментарий исполнения наказания в правовом поле СССР либо как на негативное порождение тоталитаризма, приведшее к множеству жертв.

Результаты и их обсуждение

С учетом довольно сложного экономического положения предвоенного, военного и послевоенного времени, государство не в состоянии было тратить на развитие исправительно-трудовой системы достаточно средств. Более того, из ГУЛАГа было решено извлекать экономическую выгоду. Соответственно менялись приоритеты в управлении исправительно-трудовой системой. Если по ИТК РСФСР главной задачей, стоявшей перед администрацией колоний и лагерей, было управление и перевоспитание осужденных (по терминологии того времени — заключенных) на основе привлечения к общественно полезному труду, то фактически исправительно-трудовая система должна была в первую очередь работать на экономику страны, и все усилия государственных органов, исполняющих наказания, сводились к максимально возможному использованию осужденных — дешевой рабочей силы — на разного рода народнохозяйственных объектах.

Реализацию этой задачи НКВД СССР, наделенный широчайшими полномочиями, осуществлял, исходя из прагматической позиции, когда каждый заключенный представлялся не отдельно взятой личностью со своими правами и требующей воспитательно-исправительного воздействия, а прежде всего хозяйственной, рабочей

единицей; ей создавали в местах лишения свободы те минимально необходимые условия, без которых эта рабочая единица не могла функционировать. При разработке соответствующих ведомственных нормативных актов, закрытых для общества (как и вся исправительно-трудовая система в целом) отсутствовала какая-либо научная база (наука исправительно-трудового права в 1930-50-е гг. практически не развивалась), а также предварительное обсуждение в практических органах или опрос мнений работников на местах. Такой подход отражал особенности сложившегося к тому времени государственно-политического режима, называемого в литературе тоталитарным [2;3 и др.]. Как отмечает Д.Ю. Туманов, «двадцатилетие 1936–1956 гг. — время полного господства административно-командных, карательно-репрессивных методов регулирования прав и свобод. Следует констатировать, что это самый мрачный этап в развитии реализации прав и свобод советских граждан» [4, с. 257]. Очевидно, в таком определении есть некоторый перегиб, а также упрощение социально-экономических процессов в нашей стране; однако данный вопрос мы не рассматриваем.

С учетом экономической составляющей деятельности ГУЛАГа исправительно-трудовые учреждения (лагеря и колонии, при этом лагеря обычно состояли из лагерных отделений, находящихся в разных местах недалеко друг от друга, но объединенных общим управлением; и между лаготделениями и колониями по внешней атрибутике обычно не было принципиальных различий) строились и оборудовались по простейшей схеме с точки зрения, как экономичности, так и режима. Причем, по внутреннему устройству жилых помещений, по сути, повторялся опыт 1920-х гг., то есть, применялся казарменный тип общежитий для заключенных, что было предельно дешево. Однако если в 1920-е гг. под места лишения свободы чаще всего подыскивали уже готовые здания, строения и помещения, то позже, особенно в 1940–50-е гг., началось активное сооружение новых исправительно-трудовых учреждений «от первого колышка» и, как правило, это касалось исправительно-трудовых лагерей. Это было связано с необходимостью переброски больших масс, заключенных на места строительства крупных народнохозяйственных объектов, а также для работы в рудниках, на лесозаготовках и т.д. На довольно обширной огороженной территории сколачивали и оборудовали жилые бараки, коммунально-бытовые объекты и административные помещения; по периметру заборов с колючей проволокой устанавливали вышки для часовых. Такого рода учреждения росли как грибы по всей стране, образуя «острова» некоей особой жизни, что послужило А.И. Солженицыну поводом назвать их совокупность архипелагом ГУЛАГ. В отдельных лагерях содержалось до нескольких тысяч заключенных. Так, в особом горном лагере (г. Норильск) на 1 июля 1953 г. находилось 19545 тысяч лишенных

свободы, из них на срок 25 лет были осуждены 4264 заключенных, 3 — пожизненно [5, л. 98]. Именно в этот период (1930–50-е гг.) и произошло, по существу, коренное преобразование системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, своеобразная исправительно-трудовая структурная революция. Указанный тип мест отбывания лишения свободы (лагерь, колония) стал абсолютно преобладающим [6, с. 37], он является таковым и в настоящее время (с соответствующими изменениями бытового характера) и, вероятно, пенитенциарному учреждению подобного типа уготована в России долгая жизнь.

К середине 1930-х гг. вся исправительно-трудовая система оказалась в управлении одного ведомства — НКВД СССР (ранее часть исправительно-трудовых учреждений была в ведомстве НКЮ), которое само издавало многие акты в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, и само же их исполняло. Надзор за деятельностью НКВД СССР со стороны прокуратуры опять же формально имел место, но де-факто прокурорские проверки не касались организационно-правовых основ функционирования НКВД СССР, учитывая, что исправительно-трудовая политика определялась монополично правящей ВКП(б), что закреплялось в сталинской Конституции СССР 1936 г., где в ст. 126 указывалось, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [7].

В таких условиях НКВД СССР являлось одним из самых могущественных ведомств в советском государстве, которое реализовывало политические репрессии и которого боялись многие граждане СССР [8;9 и др.]. В данном контексте нужно отметить, что государственно-властная система в СССР в довоенные годы сложилась таким образом, что немногочисленной верхушке высших партийных и государственных чиновников позволялось свои решения, зачастую субъективные, касавшиеся судеб и жизней тысяч наших сограждан, облекать в правовые акты, с формальной точки зрения отражавшие волю всего народа (например, личное мнение Сталина о нецелесообразности условно-досрочного освобождения заключенных в 1939 г., оформленное в виде соответствующего решения законодательного органа). Многие из таких актов противоречили основополагающим нормам международного права, принципу социальной справедливости, наконец, общечеловеческой морали. Однако в тот период не было конституционного суда, разделения властей и других институтов демократического общества, и поэтому признать такого рода реше-

ния юридически ничтожными было невозможно, в связи с чем в тот период с чисто формальной точки зрения они считались законными. И лишь значительно позже, на рубеже 1990 гг., ряд решений государственных органов того времени были признаны незаконными, в частности, в Законе РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. указывалось, что «миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам [10], тем же актом признавались не содержащими общественной опасности деяния: антисоветская агитация и пропаганда; распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй; нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви; посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, которые содержались в ранее действующем законодательстве; посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов; побег из мест лишения свободы, ссылки и спецпоселения, мест привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы лиц, которые находились в указанных местах в связи с необоснованными политическими репрессиями.

Следует иметь в виду также и то обстоятельство, что основные решения о расширении практики применения института лишения свободы (и соответственно втягивании в орбиту исправительно-трудовых лагерей тысяч граждан) принимались все же законодательным путем. Более того, нередко они были реакцией, и в значительной степени небезосновательной, на негативные социальные явления в обществе. В подтверждение можно назвать, например, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны собственности граждан» [11], от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» [12] и др. Очевидно, что эти решения, предусматривающие достаточно длительные сроки лишения свободы, поддерживались большинством населения нашей страны.

Кроме того, Объективности ради следует заметить также следующее. Во-первых, в исправительно-трудовых учреждениях рассматриваемого периода велась определенная воспитательная работа с заключенными, развертывалось социалистическое (трудовое) соревнование, развивалась художественная самодеятельность, организовывались литературные конкурсы, проводились политические занятия; хотя, как отмечает М.Г. Детков, эти аспекты были обычно второстепенными и особенно в военное время, несмотря на грозные ведомственные приказы, предписывающие усилить данную работу в ИТУ [13, с. 115].

А сами исправительно-трудовые учреждения (колони и лагеря) в качестве основного вида государ-

ственного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, объективно соответствовало социально-экономическим, а также природно-территориальным и другим особенностям нашей страны. Подобные учреждения создавались и ранее, в период Российской империи, это были остроги для содержания осужденных к ссылке в каторжные работы (в большой мере это относилось и к осужденным к отдаче на время в арестантские роты гражданского ведомства). Тогда арестанты также размещались на достаточно обширной, огороженной высокими забором территории, проживали в общих помещениях и ежедневно выводились под конвоем на работы, как правило, физически тяжелые. А различия были следующими (при всей условности сравнения времен прошлого и настоящего столетий мы полагаем, что оно все же дает возможность полнее обозначить тенденции развития лишения свободы в нашей стране). Во времена империи каторжане проживали в сравнительно небольших помещениях (камерах) — до 20 человек, в то время как в лагерях — до ста и более. Каторжане спустя некоторое время могли выходить на поселение и обзаводиться своим хозяйством. С другой стороны, в советском государстве заключенные в лагерях имели меньшие сроки наказания и в большинстве своем им разрешалось возвращаться на постоянное место жительства; разумеется, не было и телесных наказаний. Здания и другие объекты инфраструктуры исправительно-трудовых учреждений тогда строились обычно из дерева, что вполне естественно в стране, обладающей огромными лесными запасами; они были малоэтажны и разбросаны на значительной площади, что также было естественно для самой большой в мире страны. Как представляется, развитие мест лишения свободы из кирпича, камня и железобетона, что было присуще западным странам, в России не имело тогда перспективы; лишь в крупных городах в рассматриваемый период строились подобные учреждения, но они являли собой мизерную часть всех мест лишения свободы (и лишь с 1970-х гг. в ИТУ в массовом количестве строиться кирпичные здания).

В целом к началу 1950-х гг. институт наказания в виде лишения свободы приобрел весьма характерные черты, и прежде всего это касается формирования основного вида исправительно-трудового учреждения. Кроме того, исправительно-трудовая система оказалась закрытой для общества [14, с. 103]. Порядок и условия содержания, лишенных свободы регулировались, как отмечалось выше, большей частью подзаконными (ведомственными) нормативными актами.

Соответственно есть основания полагать, что ГУЛАГ можно рассматривать как уникальное для истории нашей страны социально-политическое и правовое явление, имеющее чрезвычайно противоречивый характер. В период ГУЛАГа государство максимально использо-

вало дешевый труд заключенных для выполнения экономических задач, зачастую ценой здоровья и жизни многих тысяч осужденных (в этом смысле ГУЛАГ не представляет нового явления в истории нашей страны — многие его элементы наблюдались еще в эпоху Петра I, когда также государство использовало дешевый труд каторжан).

В рассматриваемый период верховенство закона как важнейший признак правового государства, в значительной мере утратило свою роль, уступив место нормотворчеству государственных исполнительных органов. Создание исправительно-трудовых лагерей преследовало цель, с одной стороны, и изначально, усилить карательное содержание для «классово-чуждых элементов» и других опасных для общества преступников. Вместе с тем содержащиеся в Положении об исправительно-трудовых лагерях 1930 г., ИТК РСФСР 1933 г. других правовых актах нормы сами по себе в целом (за исключением классового признака) были вполне прогрессивны с точки зрения пенитенциарной науки на тот период, и преследовали объективно социально полезные задачи, и в этом смысле в них отнюдь не ставилась преднамеренно цель возмездия в той степени, которая оказалась на практике; определенное возмездие отчасти вытекало из того же классового признака и в целом из общей карательной политики государства. Это же следует из многих, если не из большинства решений, касающихся ГУЛАГа, где неизменно подчеркивалась цель перевоспитания заключенных. Одному из известных исследователей ГУЛАГа В.Н. Земскову это обстоятельство на вопрос интервьюера о том, что больше всего поразило ученого во время изучения гулаговских документов, дало основание высказаться о том, что, судя по официальным документам, ГУЛАГ — «не столько карательный орган, сколько воспитывающий. В представлении составителей годовых отчетов ГУЛАГа — этот «архипелаг» выглядел чуть ли не благотворительным учреждением, помогающим заблудшим гражданам стать активными строителями социализма» [15, с. 59]. Но одновременно, фактически, имели место массовые незаконные уголовно-политическими репрессии, о чем этот автор пишет во многих своих публикациях, например, в 2012 г. [16]

Следует также подчеркнуть, что в период ГУЛАГа были заложены основы, определившие на последующие годы (а по некоторым элементам до настоящего времени) организационно-педагогические основы исправительного процесса в местах лишения свободы. Отметим также, что в целом масштабы применения института наказания в виде лишения свободы значительно возросли.

Как видно, однозначной оценки ГУЛАГу давать нельзя. И в этом смысле мы не можем полностью согласиться с авторами, которые представляют ГУЛАГ исключительно как трагический период в нашей стране.

Так, по мнению В. Подороги, «сталинская колонизация Севера, Сибири и Дальнего Востока оставалась самоцелью государственного разума, расширяющего свои границы, то есть определялась абстрактными стратегическими механизмами такого типа функционирования власти ... Лагеря ГУЛАГа не создавали необходимой для освоения техно-социо-культурной инфраструктуры, да она и не требовалась, ибо всякое стратифицированное пространство опасно для политического режима, приводным ремнем которого всегда был миф о продуктивности непрерывно применяемого насилия. Громадная масса переселяемых людей, «строителей коммунизма», постепенно потерявших всякую социальную опору, духовно-культурную память, полчища зомби — даже они не смогли освоить эти колоссальные пространства с суровым климатом» [17, с. 109]. А. Арсланов в своей работе утверждает, что «лагеря и тюрьмы созданы для того, чтобы сломать человека, превратить его в покорное животное» [18, с. 180]. Известна жесткая критика ГУЛАГа, побывавшего там в качестве заключенного писателя В.Т. Шаламова. В одном из писем А.И. Солженицыну он пишет, что «большого презрения к человеку, большого презрения к труду нельзя встретить» [19, с. 85].

Как представляется, в оценках ГУЛАГа нельзя упускать из виду бытовых условий и социально-психологического настроения большей части населения СССР того времени. Труд по Конституции СССР был тогда обязательным, являлся «делом долга и чести» для всех трудоспособных граждан, а не только для заключенных, и за ведение паразитического образа жизни была установлена уголовная ответственность, а в предвоенный и военный периоды работникам запрещалось вообще увольняться с предприятия, на котором они работали, то есть «свободные» граждане находились, по сути дела, в условиях значительной несвободы. Бытовые условия большей части населения также нельзя назвать комфортными. На фоне указанных обстоятельств ГУЛАГ вряд ли можно однозначно считать неким чудовищем, левиафаном. Не случайно самую жесткую критику ГУЛАГа дают именно представители интеллигенции, люди с обостренным чувством к унижению человеческого достоинства.

Выводы

На окончательном этапе нашей работы необходимо еще раз подчеркнуть, что нельзя забывать о том, что ГУЛАГ — это не только и не столько политическое явление, сколько государственно-необходимое. Большинство обитателей лагерей и тюрем были все же обычные преступники — убийцы, воры, грабители, насильники, мошенники и т.д. В этом смысле ГУЛАГ представлял собой обычную систему мест лишения свободы, которая имеется в любом государстве. Другое дело, что по своим масштабам политизации этой сферы, числу невинных жертв, оказавшихся в исправительно-трудовых лагерях, ГУЛАГ вышел за рамки «обычности» и стал предметом широкого общественного обсуждения, что вполне справедливо с точки зрения общественных нравственных устоев. Это касается и условий труда, заключенных в отдаленных ИТЛ [20].

Обратим внимание еще на то, что переход ГУЛАГовского периода к послеГУЛАГовскому периоду с точки зрения организационного порядка в местах лишения свободы проходил относительно плавно, без массовых эксцессов в местах лишения свободы (если иметь в виду всю систему мест лишения свободы) в связи с разоблачением культа личности Сталина, то есть в связи с определенными изменениями в обществе (мы особо подчеркиваем эту связь). ГУЛАГ не был разоблачаем — в отличие от общей государственной политики, проводимой в этот же период, то есть с середины 1930-х до начал 1950-х гг. (так, в докладе Хрущева на XX съезде КПСС ГУЛАГ не упоминается ни разу, хотя можно было предположить, что если бы там имели место массовые чудовищные нарушения прав заключенных, то это нашло бы отражение в докладе). Сказанное не означает, разумеется, что есть основания хоть как-то оправдать виновных в нарушениях фундаментальных прав заключенных как людей, в том числе права на жизнь, на достоинство личности, на личную неприкосновенность, которые имели место в период ГУЛАГа. Все вместе это лишь подтверждает сложность и противоречивость пенитенциарной политики советского государства в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08. 1933 «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
2. Кротов А.В. Временная тоталитарная конституция и параконституция как особые политико-правовые инструменты XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 2. С. 122–127.
3. Шепелев Д.В., Карпенко А.А. Политический и государственный режим на примере тоталитаризма // Образование и право. 2022. № 9. С. 74–80.
4. Туманов Д.Ю. Основные проблемы обеспечения конституционных прав и свобод советских граждан во второй половине 1930-х — начале 1960-х гг. // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 256–260.
5. ГАРФ. Ф.9413. Оп.1. Д.158.
6. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975.
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12. 1936) // Известия ЦИК СССР. 1936. № 28.

8. Сырых В.М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ, 2020
9. Аблажей Н.П., Жанбосинова А.С. «Массовые» операции НКВД 1937–1938 гг. в отношении уголовных и «деклассированных элементов» // Новейшая история России. 2024. № 1. С. 102–127.
10. Законом РСФСР от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. / Сб. правовых актов / Отв. ред. Р.Х.Якупов. М., 1997. С.741.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 «Об усилении охраны собственности граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 20.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.01.1949 «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 1.
13. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 115–147.
14. Греков М.Л. Тюремные системы: история и современность. Краснодар, 1999.
15. Земсков В.Н. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Страницы истории. Л., 1990. С.165–173.
16. Земсков В.Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 3. С. 79–88.
17. Подорога В. ГУЛАГ в уме // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8. С. 107–110
18. Арсланов А. Трудные вопросы Кенгира // Октябрь. 1990. № 12.
19. Шаламов В.Т. Письмо к А.И. Солженицыну // Знамя. 1990. С. 83–86.
20. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»